

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬСКОГО И ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЭМИГРАЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, 1939–1943 ГГ.*

В.В. ВАСИЛЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

Автор рассматривает федеративные планы в отношении региона Центрально-Восточной Европы в политике эмигрантских правительств Польши и Чехословакии, а также Великобритании на примере проекта польско-чехословацкой федерации. Особое внимание уделяется значению данного проекта в британской политике по отношению к СССР в регионе в 1943 г.

Ключевые слова: польско-чехословацкая федерация, В. Сикорский, Э. Бенеш, внешняя политика Великобритании.

Многие современные процессы заставляют под новым углом зрения посмотреть на события недавнего прошлого. Так, самое масштабное расширение ЕС в 2004 году, в основном за счет стран бывшего соцлагеря, вызвало интерес к вкладу государств восточной части Центральной Европы в развитие и реализацию федеративных идей и в целом побудило к переосмыслению роли данного региона в развитии Европы. В этой связи, пожалуй, наибольший интерес представляет проект польско-чехословацкой федерации, который разрабатывался эмигрантскими правительствами Польши и Чехословакии в годы Второй мировой войны. Это была не только попытка радикального пересмотра отношений двух конфликтных соседей, но и переустройства всего региона на принципиально иной основе.

Данный федеративный проект в основном анализируют в контексте политики великих держав, поскольку без поддержки хотя бы одной из них он не имел бы шансов на развитие, тем более в условиях эмиграции. Благодаря работе ряда историков, исследованы, прежде всего, такие важные вопросы, как специфика польской и чехословацкой концепций планировавшегося объединения¹, а также причины неудачи данного проекта². Мы сделаем акцент на рассмотрении политики Великобритании по отношению к проекту польско-чехословацкой федерации в 1939–1943 гг. Казалось бы, для этой великой державы послевоенное объединение Польши и Чехословакии было лишь одной из амбициозных концепций эмигрантов. Однако исследование британской позиции вплоть до 1943 г., когда и польское, и чехословацкое правительства в эмиграции фактически прекратили работу над проектом, позволяет выявить совсем не очевидное значение планировавшегося объединения и в целом идеи федеративного устройства ЦЮВЕ для политики Великобритании не только в регионе, но и по от-

* Работа подготовлена при поддержке гранта программы «Erasmus Mundus» (в рамках IMESS).

¹ Наиболее значимая работа по данному вопросу – исследование польского историка И. Колендо: Kolendo I. T. *Działalność mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechosłowackiego w Londynie (1941-1942)* // *Dzieje Najnowsze*. 1983. # 1-2. S. 207-213.

² Большинство авторов считают основной причиной неудачи данного федеративного проекта «советское вето». Польские историки также часто акцентируют неискренность чехословацкой стороны. См., напр., одну из последних работ: Kaminski M.K. *Edvard Benes kontra gen. Wladyslaw Sikorski. Polityka władz czechosłowackich na emigracji wobec rządu polskiego na uchodźstwie 1939-1943*. Warszawa, 2005. Наиболее взвешенный взгляд в работах В. Сметаны и П. Фредериксена, которые рассматривают проект федерации в контексте ряда факторов. См.: Smetana V. *Konfederacja czechosłowacko-polska a polityka mocarstw // Miedzy przymusowa przyjaznia a prawdziwa solidarnoscia*. Czecs I. Warszawa, 2007. S. 120-131; Frederiksen P. *General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43* // www.historienu.dk.

ношению к СССР. Безусловно, данную проблему нужно рассматривать в контексте политики Советского Союза.

Идея федерации³ Польши и Чехословакии возникла уже вскоре после начала Второй мировой войны.

Премьер-министр правительства Польши в эмиграции, которым стал один из лидеров довоенной оппозиции генерал В. Сикорский, предполагал создать после войны организацию государств в Центрально-Восточной Европе⁴, не исключая в дальнейшем и Юго-Восточную, которая бы не только смогла противостоять влиянию Германии и СССР, но и обеспечила бы преобладающее положение Польши в регионе. Уже на первом заседании Совета министров 6 октября 1939 г. было заявлено о необходимости создания системы государств в Центральной Европе как противовеса Германии и Советскому Союзу⁵. Значение данного объединения подчеркивает тот факт, что Сикорский считал его единственной возможностью решить дилемму польской безопасности – весьма уязвимое расположение между Германией и СССР.

По замыслу польского лидера, в основе союза стран региона должны были лежать тесные федеративные отношения Польши и Чехословакии. Правительство В. Сикорского считало необходимым расширение страны за счет Германии, что было обозначено уже в октябре 1939 г. в ходе переговоров с Великобританией⁶. Это, в свою очередь, означало и увеличение промышленного потенциала Польши, и удлинение линии польско-чехословацкой границы, что должно было способствовать стремлению обеих стран к объединению. При этом удобный выход к Балтийскому морю, а также преобладание по численности населения и территории должны были обеспечить польскому государству доминирующее положение в федерации⁷.

Однако налаживание отношений между польскими и чехословацкими политическими кругами было непростой задачей по причине напряженных отношений двух стран в межвоенный период и особенно захвата Польшей Тешинской Силезии в 1938 г. Дело осложнялось пренебрежительным отношением польских политиков к чехам и словакам, капитулировавшим перед требованиями Гитлера и под давлением западных держав, а также неравенством статуса польских и чехословацких политических сил в эмиграции: польское эмигрантское правительство было признано в этом качестве союзниками, в то время как Чехословацкий национальный комитет Э. Бенеша далеко не сразу получил признание в качестве правительства в изгнании; кроме того, существовали и конкурирующие центры.

Инициатором установления польско-чехословацких отношений в эмиграции выступил польский премьер. Он при содействии французского посла Л. Ноэля установил непосредственный контакт с Э. Бенешем уже в начале октября⁸. 18 ноября при

³ В историографии существуют два термина для обозначения данного проекта – «федерация» и «конфедерация», которые изначально использовали, соответственно, польская и чехословацкая стороны. Мы используем первый, поскольку уделяем больше внимания рассмотрению концепции правительства Польши в эмиграции, для которого разрабатывавшееся объединение было более значимым. В британских документах используются оба термина.

⁴ Имеем в виду восточную часть Центральной Европы. Термин «Центрально-Восточная Европа» используется для краткости.

⁵ Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939–1947. Leicester, 1986. P. 32.

⁶ В беседе с полпредом СССР И.М. Майским 17 октября 1939 г. парламентский секретарь министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер отметил, что польские власти в лице министра иностранных дел А. Залесского в ходе его визита в Великобританию поставили вопрос о получении Польшей Восточной Пруссии, т.е. уже в середине октября // Документы внешней политики. Т. XXII. 1939. Кн. 2. М., 1992. С. 196.

⁷ Frederiksen P. General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43 // www.historie-nu.dk.

⁸ Benes's minutes of his conversation with Sikorski. [before 13 October] 1939 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 33-34.

личной встрече оба политических деятеля впервые высказались за сотрудничество двух стран на основе федерации⁹.

Вместе с тем практически с самого начала было ясно, что для чехословацкого лидера Э. Бенеша и его сторонников проект федерации не был так же значим, как для польской стороны. Чешский историк В. Сметана убедительно демонстрирует, что польско-чехословацкое примирение в перспективе рассматривалось Бенешем в контексте достижения основной цели – обеспечения международно-правового признания недействительным Мюнхенского соглашения и его последствий и восстановления Чехословакии в домюнхенских границах¹⁰. На начальном этапе, в марте 1939 – июне 1940 гг., идея федерации с поляками в переговорах с Францией и Великобританией способствовала главным образом признанию группы Э. Бенеша в качестве единственного представителя оккупированной страны в эмиграции и получению статуса правительства в изгнании¹¹.

Уже в ходе первых контактов выявились разногласия между польской и чехословацкой сторонами по вопросу Тешинской Силезии, а также отношения к СССР, а затем и Венгрии. При этом польское правительство провоцировало недоверие Комитета Э. Бенеша, поддерживая связи с другими политиками, прежде всего, бывшим чехословацким премьером М. Годжей¹².

Официальные двусторонние переговоры по федеративному проекту начались осенью 1940 г., то есть после того, как было сформировано чехословацкое временное правительство. Вскоре, 11 ноября, стороны обнародовали совместную декларацию о намерении создать после войны совместное объединение. В конце ноября польско-чехословацкий проект получил официальное одобрение Великобритании, которая после падения Франции стала единственной покровительницей антифашистских правительств оккупированных стран Европы¹³.

Британское правительство продемонстрировало собственную заинтересованность в федеративных проектах в Центральной и Восточной Европе уже в ходе первого визита представителя польского эмигрантского правительства министра иностранных дел А. Залесского в октябре 1939 г. Тогда британские политики предложили польскому министру поддержать проект послевоенной центральноевропейской федерации в составе Польши, Чехословакии и Венгрии¹⁴. Результатом инициативы Великобритании стала уверенность польского руководства в британской поддержке его федеративных планов, что способствовало, по всей видимости, и налаживанию польско-чехословацких контактов.

Датский историк П. Фредериксен отмечает, что правительство Польши в эмиграции преувеличивало британскую поддержку польско-чехословацкого проекта, а этот просчет повлиял на судьбу данного проекта в целом¹⁵. Как нам представляется, британское отношение к польско-чехословацкому проекту вряд ли можно назвать однозначным. Причиной тому были и определенные разногласия в правительстве

⁹ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 353-356.

¹⁰ Smetana V. In the Shadow of Munich. British Policy towards Czechoslovakia from the endorsement to the renunciation of the Munich Agreement (1938-1942). Prague, 2008. Chapters 4,5.

¹¹ См., напр.: Benes `s telephonic instruction to Slavik in Paris. 11 January 1940; Extract from Benes `s memorandum to Cadogan. [26 April] 1940 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 36-39, 44. В июле 1940 г. удалось добиться только статуса временного правительства.

¹² См., напр.: Extract from Slavik `s report on his conversations with Polish politicians. [after 28 March] 1940; Extract from Slavik `s minutes of his conversation with Sikorski. 7 August 1940 // Czechoslovak Polish negotiations of the establishment of confederation and alliance, 1939-1944 / Ed. by I. Stovicek, J. Valenta. Prague, 1995. P. 40-42, 49-50.

¹³ Poland in the British Parliament. Vol. 1: March 1939–August 1941. L., 1946. P. 448.

¹⁴ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш. С. 354.

¹⁵ Frederiksens P. General Sikorskis strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43 // www.historie-nu.dk.

Великобритании, которые упоминают П. Фредериксен и В. Сметана, и трудности в налаживании польско-чехословацких отношений, когда стороны демонстрировали нежелание отойти от разногласий межвоенных лет. Кроме того, раздражение Великобритании вызывало стремление В. Сикорского играть роль лидера эмигрантских правительств – он неоднократно устраивал встречи ключевых деятелей правительств в изгнании, на которых, в частности, продвигал идею федеративного устройства послевоенной Европы¹⁶.

Серьезным препятствием в разработке проекта польские политики считали нежелание британского правительства дать согласие на территориальные приращения Польше за счет Германии. Польские власти в контактах с правящими кругами Великобритании акцентировали идею о том, что часть территории Германии представляет собой исконные славянские земли, которые по праву должны отойти славянам и, прежде всего, Польше¹⁷. Именно поэтому польское руководство было негласно недовольно положениями Атлантической Хартии. Так, Бюро по политическим, военным и юридическим вопросам предупреждало В. Сикорского о том, что реализация этого документа может сделать невозможным приобретение Польшей Данцига, Восточной Пруссии и Опфельнской Силезии¹⁸.

Однако привлекает внимание тот факт, что федеративные идеи, озвученные правительством Н. Чемберлена, были не только приняты, но и получили дальнейшее развитие в правительстве У. Черчилля. На наш взгляд, их значение в политике Великобритании можно определить при помощи рассмотрения эволюции федеративных идей в ходе советско-британских переговоров о союзе и дальнейшего развития союзных отношений в контексте польско-чехословацких переговоров по проекту объединения.

В декабре 1941 г. в ходе британо-советских переговоров о заключении союзного договора фактически состоялся первый обмен мнениями об устройстве послевоенной Европы. В то время как советская сторона представила достаточно детальную программу, британская делегация во главе с министром иностранных дел А. Иденом подчеркнуто демонстрировала неразработанность своей концепции послевоенного урегулирования в Европе. В этом контексте как раз и вызывает интерес упоминание А. Иденом возможности возникновения федераций в Европе¹⁹. Более того, он стремился заручиться поддержкой И.В. Сталина в отношении разрабатывавшегося проекта польско-чехословацкой федерации²⁰. Это направление получило развитие в британской политике.

В ходе дальнейших переговоров о союзе руководство Великобритании неоднократно поднимало вопрос о федерациях в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ). Советская сторона, в свою очередь, настаивала на признании Великобританией территории СССР в границах, сложившихся к 22-му июня 1941 г. Исключение составлял вопрос советско-польской границы, который предполагалось урегулировать в ходе двухсторонних переговоров. Несмотря на недовольство США, британское правительство склонялось к признанию советских требований.

¹⁶ Prazmowska A. Britain and Poland, 1939–1943: The Betrayed Ally. Cambridge, 1995. P. 125; Lane T. Present at the creation: East Europeans and the European movement // On-line materials of the Fifth Pan-European international relations conference, 9–11 September 2004, the Hague // www.sgir.org.

¹⁷ См., напр.: Sprawozdanie z rozmowy p.o. ministra spraw zagranicznych Edwarda Raczyńskiego z premierem Wielkiej Brytanii Winstonem Churchillem. 8 października 1941 // Na najwyższym szczeblu. Spotkania premierów Rzeczypospolitej Polskiej i Wielkiej Brytanii podczas II wojny światowej / Oprac. M. K. Kaminski, J. Tebinka. Warszawa, 1999. S. 33–34.

¹⁸ Terry S. Poland's place in Europe: General Sikorski and the origin of the Oder-Neisse Line, 1939–1943. Princeton, 1983. P. 106–107.

¹⁹ Английский проект соглашения. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 34–35.

²⁰ Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 42; Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 109.

Британо-советскими переговорами были весьма обеспокоены польские власти в эмиграции, получавшие информацию от Форин Оффис. Они считали, что в случае удовлетворения советских требований Польша будет практически окружена территорией СССР, что создавало опасность уменьшения влияния Польши в регионе и подчинения Советскому Союзу. Особой угрозой своим интересам они считали передачу СССР Литвы, которую включали в свою сферу влияния, и Буковины²¹, что лишало бы Польшу общей границы с чуть ли не единственным дружественным соседом межвоенных лет – Румынией; обе страны, по замыслу поляков, должны были войти в центральноевропейскую федерацию после объединения Польши и Чехословакии. Поэтому одним из аргументов поляков против признания советских приобретений было негативное влияние этого шага на создание объединения в регионе²². Однако тогда решающим стал протест со стороны США²³. В итоге из британского проекта было изъято положение о советских границах. Но советская сторона, в свою очередь, отказалась включить статью о федерациях в регионе²⁴.

Однако вскоре обозначился еще один аспект британской политики, тесно связанный с тезисом о необходимости федеративного устройства ЦЮВЕ. 9 июня в ходе беседы с В.М. Молотовым по его возвращении из США А. Иден отметил, что нежелательно в ходе войны заключать двусторонние договоры с малыми странами или их правительствами в эмиграции по поводу послевоенного устройства. По утверждению британского министра, это позволяло избежать особого влияния одной из великих держав в каком-либо регионе по окончании войны²⁵. Британский историк К. Сэйнсбери справедливо отмечает, что целью данных британских построений – как идеи о федерациях, так и вышеупомянутого положения – являлось ограничение советского влияния в ЦЮВЕ²⁶.

Между тем, в ходе развития проекта объединения польское и чехословацкое правительства столкнулись с рядом сложностей, которые ставили под сомнение возможность его дальнейшей разработки. Еще более обострился вопрос о границе двух государств, прежде всего о принадлежности Тешинской Силезии. Создание совместных органов – Координационного и вспомогательных комитетов – в целом не вызвало затруднений. Однако проекты будущего объединения, в основном выработанные к концу 1941 г., принципиально различались. Поляки делали акцент на построении достаточно тесного военно-политического союза, а чехи и словаки – скорее на развитии экономических аспектов объединения. Такое различие было обусловлено стремлением обеих сторон к преобладанию в будущей федерации. Так, польское правительство, которое представляло интересы более крупной и по размеру, и по количеству населения Польши, занимавшей очень уязвимое и в то же время стратегически важное положение между Германией и СССР, считало федерацию на основе военно-политического союза оптимальной моделью для обеспечения собственного доминирования. В свою очередь, правительство в эмиграции более развитой экономически Чехословакии настаивало на экономическом союзе. Не случайно стороны использовали разные термины для обозначения проекта: поляки называли его «федерацией», а чехословаки – «конфедерацией», объясняя такую практику разным значением слова «конфедерация» в польском и чешском языках²⁷. В результате работа над проектом приостановилась.

²¹ Неточность в польских документах. Речь шла о Северной Буковине.

²² См. напр.: Note from Minister Raczynski to Mr. Eden concerning Anglo-Soviet negotiations. 21 April 1942 // Documents on Polish-Soviet relations. Vol. I. L., 1961. P. 332-335.

²³ См. напр.: Запись беседы с американским послом в Англии Вайнантом. 24 мая 1942 г. // Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 167-168.

²⁴ Телеграмма из Лондона. 28 мая 1942 // Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 190-193.

²⁵ Запись беседы с Иденом. 9 июня 1942 г. // Там же. С. 316-317.

²⁶ Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at war: the war they waged and the peace they hoped to make. N.Y., 1994. P. 96.

²⁷ Kolendo I. T. Działalność mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechosłowackiego w Londynie (1941-1942) // Dzieje Najnowsze. 1983. # 1-2. S. 207-213.

Не меньшие трудности в польско-чехословацких переговорах были связаны с разногласиями по вопросу отношения к Советскому Союзу, который стал особенно важным вскоре после нападения Германии на СССР. Это было обусловлено различными установками польского и чехословацкого руководства. Э. Бенеш был убежден в том, что Советский Союз будет доминировать в послевоенной ЦЮВЕ. В связи с этим, чехословацкий президент считал необходимым советское согласие на создание объединения Польши и Чехословакии. В. Сикорский склонялся к мысли, что советское государство, пусть и не будет побеждено Германией, но выйдет из войны сильно ослабленным. Как следствие, он считал ключевой поддержку западных союзников в данном вопросе.

Позиция Советского Союза по отношению к польско-чехословацкому проекту претерпела значительные изменения в рассматриваемый период. В декабре 1941 г. в ходе переговоров с А. Иденом советский лидер подчеркнул, что «не имел бы возражений против создания тех или иных государственных федераций», имея в виду регион ЦЮВЕ²⁸. Но уже в начале 1942 г. СССР, пристально следивший за развитием федеративных проектов в регионе, стал проявлять негативное отношение к данным концепциям в ходе контактов с польским и особенно чехословацким эмигрантскими правительствами²⁹. Так, в начале марта 1942 г. советская сторона в лице посла при эмигрантских правительствах А. Богомолова выразила польскому руководству свое недовольство по поводу образования каких-либо объединений в Европе, особенно в Восточной, без участия Советского Союза³⁰. После заключения советско-британского договора о союзе в начале июня 1942 г. В.М. Молотов, беседуя с Э. Бенешем, и вовсе подчеркнул, что «проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой федерации против СССР»³¹. Результатом советского демарша явилось фактическое прекращение работы чехословацкого правительства над данным проектом. Но в целом к позиции Советского Союза по данному вопросу применим принцип поведения, обозначенный Л.Я. Гибианским, – скрывать от ключевых западных союзников подлинные советские устремления в регионе³². В этом русле СССР воздерживался от явной демонстрации своей позиции британскому руководству.

Польские власти не оставляли надежд на дальнейшую реализацию проекта федерации, несмотря на явное угасание интереса чехословацкой стороны к нему. В конце февраля 1943 г. Э. Рачиньский, занимавший пост министра иностранных дел, провозгласил в своей речи по Би-Би-Си, помимо прочего, намерение польского эмигрантского правительства создать федерацию государств в ЦЮВЕ, «от Средиземного до Черного и Балтийского морей»³³.

Руководство Польши в эмиграции было весьма раздражено позицией чехословацкого правительства и прежде всего Э. Бенеша по отношению к СССР. Польский историк Э. Дурачиньский привлекает внимание к тому, что просоветскость чехословацкого президента сильно преувеличена³⁴. Во многом обоснованным нам представляется вывод историка ПНР С. Станиславской о том, что Э. Бенеш, более реалистично по сравнению с польскими властями оценивая последствия для ЦЮВЕ роста советского военного могущества, стремился к соглашению с польским эмигрантским пра-

²⁸ Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 40.

²⁹ См. напр.: Smetana V. In the Shadow of Munich. P. 262.

³⁰ Note on a conversation between Minister Morawski and Ambassador Bogomolov relating to the post-war organization of the States of Central-Eastern Europe. 2 March 1942 // Documents on Polish-Soviet Relations. 1939–1945. Vol. I. L., 1961. P. 285–286.

³¹ Прием Президента Чехословацкой Республики Эдуарда Бенеша. 9 июня 1942 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 324.

³² Гибианский Л.Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 108.

³³ Documentation of plans and preparatiions for the reorganisation of Europe. March 1943 // Archiwum Akt Nowych. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie, 1919–1945. Sygnatura 1487. S. 4.

³⁴ Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдуард Бенеш. С. 352–353.

вительством. Именно советский фактор побуждал чехословацкого президента искать пути сотрудничества с польским руководством в эмиграции³⁵. Он считал проект совместной федерации бесперспективным, вероятно, по причине как советского недовольства, так и серьезных польско-чехословацких разногласий. В итоге Э. Бенеш предложил польскому правительству в период обострения польско-советских отношений заключить союзный договор. Это предложение правительство Польши в эмиграции приняло в конце марта 1943 г., правда, оно так и не было реализовано³⁶. Летом чехословацкая сторона стала рассматривать возможность заключения договора с СССР. Однако и в данной ситуации польские эмигрантские власти не отказались от идеи федеративного проекта с Чехословакией³⁷. На наш взгляд, такая позиция была во многом обусловлена политикой Великобритании.

В условиях значительно усилившегося советского влияния в антигитлеровской коалиции Великобритания с большим энтузиазмом, чем прежде, рассматривала перспективы фактически уже прекращенного польско-чехословацкого проекта. Это было связано с тем, что тезис о федерировании стран ЦЮВЕ становился важной частью разрабатываемой Форин Оффис программы принципов послевоенного урегулирования, главным образом, для данного региона и взаимоотношений с Советским Союзом. Показательно, что в марте, в период обострения польско-советских отношений, А. Иден интересовался у советского посла в Великобритании И.М. Майского, каково отношение советских властей к польско-чехословацкой федерации³⁸.

В целостном виде британское руководство представило свою программу для ЦЮВЕ на рассмотрение союзников – Советского Союза и Соединенных Штатов – на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. Она включала следующие принципы: 1) совместная ответственность за Европу в противоположность делению на районы ответственности; 2) отказ от заключения соглашений по послевоенным вопросам с малыми странами в ходе войны; 3) общая политика главных союзников в отношении освобождаемых территорий союзных стран; 4) создание федераций в регионе для противостояния Германии³⁹.

Данная программа непосредственно затрагивала интересы СССР и, что являлось очевидным, была косвенно нацелена на ограничение его влияния в регионе. Соответственно, легко было предсказать негативную реакцию советской стороны. В связи с этим, британцы рассчитывали на американскую поддержку, но ожидания не оправдались. А. Иден столкнулся с демонстративным безразличием К. Хэлла к поставленным вопросам, что, в свою очередь, «развязывало руки» советской стороне. Так, госсекретарь США только при непосредственном обсуждении польского вопроса проявил определенную заинтересованность, выразив надежду, что СССР и Польша «восстановят хорошие отношения»⁴⁰. Хотя советская сторона демонстрировала разное отношение к отдельным пунктам британской программы: от резкого неприятия проектов федераций в ЦВЕ, специально озвученного в ходе конференции, до согласия на

³⁵ Stanisławska S. Projekty konfederacji polsko-czechosłowackiej w czasie drugiej wojny światowej // Sprawy międzynarodowe. 1963. # 4. S. 100.

³⁶ Pismo E. Raczyńskiego do J. Masaryka w sprawie przyjęcia przez rząd polski sugestii zawarcia układu polsko-czechosłowackiego. 20.III.1943 // Korespondencja w sprawie konfederacji polsko-czechosłowackiej w latach 1940- 1943 // Studia z najnowszych dziejów powszechnych. T. 4. Warszawa, 1963. S. 302-303.

³⁷ См., напр.: Documentation of plans and preparations for the reorganisation of Europe. March 1943 // AAN. Ambasada Rzeczypospolitej w Londynie, 1919–1945. Sygnatura 1487. S. 1, 4.

³⁸ Anthony Eden to Sir A. Clark-Kerr: Telegram. 10 March 1943 (extracts) // The Great Powers and the Polish Question 1941–1945. A documentary study in Cold War origins / Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 118.

³⁹ В Проекте повестки дня конференции, предложенном Великобританией, им отводилось 4 пункта из 11, причем 3 из них находились почти в начале списка (соответственно, 3, 4 и 5 пункты) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М., 1984. С. 43-44.

⁴⁰ Запись одиннадцатого заседания. 29 октября 1943 г. // Московская конференция министров иностранных дел. С. 235.

обсуждение общей политики в отношении освобождаемых территорий в рамках Европейской консультативной комиссии, в целом можно констатировать, что союзники отвергли британский проект.

Таким образом, политика великих держав (прежде всего, Великобритании и СССР) оказывала непосредственное влияние на деятельность эмигрантских правительств. В первые годы войны международная конъюнктура благоприятствовала польско-чехословацкому проекту. Интерес британских правящих кругов к идее федеративного устройства ЦЮВЕ явно способствовал его развитию. Однако это не означало полной поддержки Великобританией польских замыслов, в частности, требования значительного приращения территории Польши за счет Германии. По мере усиления веса СССР в антигитлеровской коалиции и заметного уменьшения собственного влияния идея федеративного устройства ЦЮВЕ становилась для Соединенного Королевства все более значимой: по замыслу Форин Оффис, федерации в регионе могли стать важным инструментом противодействия советскому доминированию в регионе. Как следствие, британские дипломаты активно выступали в защиту проекта польско-чехословацкой федерации в 1943 г., несмотря на все признаки его неудачи. Провал британской программы для ЦЮВЕ на Московской конференции в октябре 1943 г. означал необходимость кардинального пересмотра подходов относительно новой роли СССР в Европе (одним из них впоследствии станет и «процентная дипломатия»). В тоже время это было, пожалуй, первым заметным проявлением падения влияния Великобритании в «Большой Тройке». Впоследствии британскому руководству придется все более тщательно соотносить свои шаги с политикой Вашингтона.

FEDERATIVE PLANS TOWARDS REGION OF EAST-CENTRAL EUROPE IN POLICY OF THE POLISH AND CZECHOSLOVAK ÉMIGRÉ GOVERNMENTS AND OF GREAT BRITAIN, 1939–1943

V. V. VASILENKO

Belgorod State University

e-mail: Vasilenko_V@bsu.edu.ru

The author analyzes federative plans towards the region of East-Central Europe in policy of the Polish and Czechoslovak émigré governments and of Great Britain on the example of the Polish-Czechoslovak Federation project. Special attention is given to the role of this project in the British policy towards the USSR in the region in 1943.

Key words: Polish-Czechoslovak Federation, W. Sikorski, E. Benes, foreign policy of Great Britain.